

Н. В. Эйльбарт¹

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ СЛАВЯНСКИХ ЭТНОСОВ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ

Территория, называемая сегодня Западной Украиной, согласно современным представлениям, включает в себя три области: Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую, однако этот термин сравнительно «молодой», как, собственно, и во многом искусственно созданная украинская государственность в ее современных границах. В прошлом (начиная с XI в.) данные земли носили название Червоная Русь или Галиция, исторически развиваясь на пограничье восточноевропейской и западноевропейской цивилизаций, являя собой пример «осколка» Киевской Руси, уже в XIII веке попавшего в орбиту влияния западных соседей. С непростой историей славянских этносов, населяющих эти земли и лишь отчасти наследующих православную религиозную идентичность Киевской Руси, связан культурно-религиозный и ментальный «разлом», столь остро дающий о себе знать в условиях распада Украины, затрудняющий самоидентификацию ее населения, в равной мере как возвращение к русским корням, так и вхождение в Европейский Союз. Всюду оказываясь «чужими», народы Западной Украины не смогут существовать в качестве самостоятельной культурной, а следовательно, и государственной единицы, не разрешив этих противоречий, поэтому данный вопрос нуждается в глубоком изучении и историческом анализе.

Название «Русь» и «русины», то есть народы, ее населяющие, иностранцы впервые начали использовать по отношению к юго-западу современной Украины, поскольку это были ближайшие к ним восточнославянские земли, о которых они узнали и с правителями которых вошли в политические, экономические и культурные контакты. Уже значительно позже Русью иноземцы назовут Киев, Новгород, Владимир, а затем и Москву, принимая во внимание общность обычаев, религии и языка восточнославянских народов. Однако в XIV веке Галицко-Волинское княжество — самое западное из русских княжеств, где правили потомки Рюрика, — утратило свою независимость и стало частью Польского и Венгерского королевств, а населяющие его славянские этносы (русины, долиняне, погоряне, бойки, лемки, гуцулы), отныне подвергаясь материальному и духовному подавлению со стороны государствообразующих народов — поляков и венгров, испытыва-

ли культурную деструкцию, теряя связь с Московской Русью, которая в то время уже начала объединять вокруг себя разрозненные феодальные земли.

Великий отечественный историк второй половины XIX века Н. И. Костомаров в работе «Две русские народности» объясняет такую судьбу прежде единого русского мира духовно-ментальными особенностями великоруссов и южноруссов, которые предопределили их пути. Московская Русь крепла и мужала в суровых условиях борьбы с монголо-татарами, ревностно оберегала собственные обычаи и православную веру, не допуская ни малейшей доли иностранного влияния вплоть до второй половины XVII века, называя его «поганым» и стремясь не только сберечь свою «русскость», но и распространить таковую на соседние народы. В то же время этносы Галицко-Волинской Руси характеризовались большей терпимостью к иноземцам и, в отличие от своих восточных соседей, ставили личное выше общественного единства. «Развитие личного произвола, свобода, неопределенность форм были отличительными чертами южнорусского общества в древние периоды, и так оно явилось впоследствии, — писал по данному поводу Костомаров. — С этим вместе соединялось непостоянство, недостаток ясной цели, порывчатость движения, стремление к созданию и какое-то разложение недосозданного, все, что неминуемо вытекало из перевеса личности над общинностью»².

«Горячность и легкомыслие» южноруссов повлекли за собой как утрату удельной самостоятельности княжества, так и в последующем, уже в конце XVI века, признание верховенства римского понтифика над православным населением Галиции. В 1596 году была принята знаменитая Брестская уния, согласно которой киевский православный митрополит Михаил Рагоза и церковные иерархи западнорусской митрополии, входящей в состав Речи Посполитой, приняли римское вероучение и признали себя частью Римско-католической церкви, сохранив, однако, богослужение на церковнославянском языке, а также православные литургические обряды. Этот красноречивый акт сближения с западноевропейской культурно-религиозной традицией показал, что ее влиянию подверглись прежде всего высшие слои галицийского общества, политические элиты, которые стремились при помощи унии стать «равноправными членами» западного правящего сообщества, порвав с прежними, «дедовскими» корнями. Уже очень скоро польская и южнорусская аристократия слились воедино, причем последняя, стремясь доказать прочность своего вхождения в среду новых ценностей, показательно враждебно воспринимала все, исходящее из Московской Руси, называя ее «варварской», «тиранической» и «ортодоксальной». Что же касается простого народа, то именно он в основной массе

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор исторических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич — исследователь Забайкалья. 1850–1936», «Портреты исследователей Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX вв.)», «Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментарированный перевод и исторический анализ», «Семья Марины Мнишек: несостоявшиеся правители России», «Лжедмитрий II: происхождение и гибель. Свидетельства польских документов Государственного архива Швеции», «Лжедмитрий I и политическая элита Речи Посполитой: мифы и факты», «Поход Сигизмунда III и королевича Владислава к Москве в письмах ксендза Якуба Задзика (1612–1613 гг.)», «Осада Смоленска Сигизмундом III в письмах ксендза Якуба Задзика (1610–1611 гг.)», «Поход гетмана Станислава Жолкевского к Москве в письмах шляхтича Яна Гридича (1610 г.)» и др.

² Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Две русские народности. СПб., 1863. Кн. 1. Т. 1. С. 42–43.

продолжал считать себя частью единого русского мира, сохранив многие черты культурной общности с великороссами. Таким образом, пребывая почти в течение шести веков под польско-венгерским культурным влиянием, славянские этносы нынешней Западной Украины в целом сохранили свою религиозно-культурную идентичность, идущую со времен Галицко-Волынской Руси, однако русская культурная традиция стала здесь достоянием простого народа, поэтому она не развивалась и как бы застыла на уровне Средневековья, когда эти земли еще имели некоторые атрибуты политической самостоятельности.

Исторические параллели, приводя нас в сегодняшний день, являют нам процесс вестернизации западноукраинской политической элиты, которая, однако, не находит поддержки среди большинства населения, в течение веков испытывавшего недоверие и ненависть к западному сообществу, поскольку ассоциировало с ним все польское и католическое, веками угнетавшее и не дававшее развиваться. Н. И. Костомаров отмечал, что, несмотря на славянское происхождение поляков и южноруссов, между ними лежит бездна «через которую невозможно построить мост» и бездна эта заключается в том, что польская колонизация Галиции поставила коренное население на уровень людей второго сорта, практически рабов пришлых хозяев, не имеющих почти ничего вплоть до конца XIX века — ни национальных школ, ни собственного литературного языка, ни права на самовыражение в рамках собственной культурной традиции. Таким образом, только немногим более ста лет назад зарождающаяся интеллигенция в Галиции осознала, что стоит перед выбором, как строить собственное государство и на какую культурную традицию при этом опираться.

Как писал по этому поводу Иван Франко, «перед украинской интеллигенцией открывается теперь огромная действительная задача — создать из громадной этнической массы украинского народа украинскую нацию, цельный культурный организм, способный к самостоятельной культурной и политической жизни». Итак, без культуры нет нации, нет политической самостоятельности и нет государства — однако какая культура должна быть взята за основу — русская или польская — на этот вопрос тогда не было однозначного ответа.

С конца XVIII века, когда Галиция отошла к Австрии, многие русины связали свою жизнь с Россией и считали себя частью единого русского народа (среди них, например, ректор Санкт-Петербургского университета Михаил Балудянский, ученый и педагог Василий Кукольник, писатель и священник Владимир Хиляк и др.). Но, как мы уже отмечали, политическая элита, тесно сотрудничавшая тогда с австрийскими властями, эти тенденции воспринимала весьма враждебно.

Подобная борьба взглядов на будущее Западной Украины очень ярко проявилась в 1915 году, когда, разгромив австро-венгерские войска, русская армия вошла в Галицию, а императора Николая II встречали во Львове как царя-освободителя. По воспоминаниям

современников, входящих в свиту государя, в самых глухих деревнях к нему с хоругвями и иконами выходили священники и крестьяне, называя Белым Царем, кричали «Ура!», так что, видя такой радушный прием, офицеры охраны, в начале пребывавшие в напряжении, даже позволили себе на время забыть о своих обязанностях. В то же время представители правящей элиты Галиции (как польского, так и русинского происхождения) агрессивно отнеслись к такому повороту событий, например львовский униатский епископ Андрей Шептицкий открыто призывал к действиям на стороне австро-венгерской армии, но на его агитацию мало кто откликнулся. Такая симпатия в отношении русского императора со стороны галицийских русинов (особенным русофильством выделялись лемки или полещуки, жители прикарпатских районов региона), стала неприятным сюрпризом для австрийских властей, а кайзер Франц-Иосиф даже приказал создать специальный концентрационный лагерь Телергоф в Штирии, предназначенный исключительно для славян из Галиции и Буковины, заподозренных в симпатиях к русским.

В 1918–1920 годах после распада Австро-Венгрии народы Западной Украины получили исторический шанс на создание собственного государства, однако во взглядах на культурную и политическую принадлежность такового вновь не было единства. Западноукраинская Народная Республика со столицей во Львове, не желавшая войти в состав Польши, вела с поляками кровопролитную войну, в то же время враждебно относилась и к Советской России, и к Украинской Народной Республике. Лемковская интеллигенция, попрежнему считая, что судьба карпатских славян неразрывно связана с Россией, провозгласила Русскую Народную Республику Лемков, которая планировала присоединиться к Советской России и не хотела быть ни в составе Западноукраинской, ни Украинской Народной Республики. Однако географическая удаленность поставила крест на этих планах, но когда Западноукраинскую Народную Республику насильственно включили в состав Польши, лемки предпочли стать областью Чехословакии, получившей название Карпатская Русь, нежели вновь возвращаться под власть польского государства.

Проанализировав таким образом вехи историко-культурного развития славянских этносов Западной Украины, можно заключить, что их представления о принадлежности к единому русскому народу продолжали быть весьма сильными на протяжении всей истории, но политика элит, ведущая к политической обособленности Галиции от остальной части Украины и культурно-религиозной от России способствовала отрицанию общерусских корней, однако так и не смогла предложить взамен никакой вразумительной культурно-идеологической основы. Автор считает, что пока такая основа не будет найдена, всякие попытки создания какого бы то ни было государства на территории современной Западной Украины, обособленного от русского мира и враждебного ему, будут обречены на провал.